

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

*Х. Люк,
М.В. Волкова*

ТАМАРА ДЕМБО: НАУЧНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается научная биография выдающейся женщины-психолога Тамары Дембо. Ее жизненный путь начался в самом начале XX века, закончился в его 90-е годы, и в нем отразились многие исторические и научно-психологические тенденции столетия. Она родилась в Российской империи, эмигрировала после Октябрьской революции в культурную и научную столицу Европы — Берлин, где оказалась в самой гуще жизни Психологического института времен его расцвета, бурного развития гештальтпсихологии, как ученица К. Левина была причастна к созданию его теории поля и рассмотрению эмоционально-волевых процессов личности в данном контексте. Ее диссертационное исследование «Гнев как динамическая проблема» (1931) можно рассматривать как работу, предвосхитившую появление сразу нескольких перспективных направлений в психологии XX века, связанных с исследованием мотивации достижения, уровня притязаний, фрустрации, агрессии, социально-психологических феноменов в экспериментальной ситуации. Кроме того, непродолжительная работа в Физиологическом институте у Ф. Бойтендайка (Нидерланды) в 1929 году дала ей опыт проведения экспериментальных исследований в области зоопсихологии, а также интерпретации результатов таких исследований с позиций гештальтпсихологии. Как и в случае теории поля К. Левина, исследования Дембо оказались в русле революционных научных событий: они показали ограничения бихевиоризма, обнаружили новые тенденции исследований, подтвердили результаты исследований Бойтендайка, которые позволили ему через несколько лет заявить основные идеи нового научного направления — этологии.

В начале 30-х годов XX века в связи с приходом к власти фашизма и преследованием евреев, а также невозможностью вернуться в СССР, Т. Дембо эмигрирует в США, где, адаптируясь к традициям американской психологии, все же продолжает традиции гештальт-подхода и школы К. Левина, а также постепенно погружается в проблемы социально-психологической реабилитации инвалидов. На основе своего клинического опыта и опыта преподавания в университетах США, она способствовала формированию и

институционализации новой области научно-практической психологии — реабилитационной психологии. В теме реабилитации Дембо оказывается очень созвучна гуманистической психологии, клиент-центрированному подходу К. Роджерса. Серьезный научный вклад Т. Дембо связан с изучением социо-эмоциональных отношений, в частности, ощущения счастья. На основе ее методического приема исследования представлений о счастье была создана методика Дембо-Рубинштейн, широко известная в нескольких модификациях отечественным психологам.

Если проанализировать богатую и разнообразную научную биографию Т. Дембо, то можно заключить, что, в сущности, всю свою жизнь она занималась одной темой: как обыкновенный человек сталкивается с трудностями, которые предлагает ему окружение, реагирует на них и, в конце концов, лично преодолевает препятствия, продолжая свой путь к лучшей жизни.

Представленные в статье сведения о Т. Дембо как о личности и исследователе дают возможность лучше понять XX век, тенденции развития психологии как науки на протяжении почти целого столетия, а также личность самого ученого, чья широта и глубина силы влияния на науку и сегодня поразительна.

Ключевые слова: Т. Дембо, К. Левин, Ф. Бойтендайт, гнев как динамическая проблема, фрустрация, теория поля, отношения исследователя и испытуемого в экспериментальной ситуации, гештальтпсихология, зоопсихология, этология, реабилитационная психология, представления о счастье и несчастье, социо-эмоциональные отношения, ценность внутренних ресурсов, проблема «иметь или быть», методика Дембо-Рубинштейн.

Русские истоки: Баку, Берлин

Тамара Дембо родилась 15 (28) мая 1902 года в Баку. Ее отец — коммерсант, еврей по национальности Вульф Дембо, мать — София Дембо (урожденная Волчкина). Как пишет в своей автобиографии сама Т.В. Дембо, имея литовское гражданство, они жили в Баку, а некоторую часть времени проводили в Санкт-Петербурге и позже — Петрограде (все это в начале XX века было Российской империей). В детстве Тамара была весьма болезненной, врачи находили у нее серьезные проблемы с сердцем, поэтому она получила домашнее воспитание и обучение, позволявшее соблюдать

щадящий, часто постельный, режим. И все же в 1920 году она закончила 2-ю бакинскую мужскую гимназию (которая располагалась по адресу: Николаевская ул., дом 6), успешно выдержав все экзамены. Почему выбор пал на мужскую гимназию — остается неясным, ведь в Баку того времени существовала Мариинская женская гимназия и другие школы, в которых обучались девочки.

После окончания гимназии Тамара Дембо продолжила образование на электромеханическом отделении Петроградского политехнического института. Правда, обучение длилось недолго: спустя несколько месяцев

Т. Дембо. Фотография из архива университета Кларка, Массачусетс, США

семья решила на переезд в Германию. Так весной 1921 года Т. Дембо оказалась в Берлине.

Нет никаких сведений о причинах такого решения. Можно предполагать несколько оснований. Отчасти это могли быть политические причины, довольно масштабный отъезд (добровольный и вынужденный) российских интеллектуалов за границу в надежде переждать советское время. Вероятно, революционный кризис, приведший к кризису системы образования, разрушению системы школьного образования и ухудшению положения высшей школы, экспериментирование в этой сфере, создание рабфаков и института красной профессуры отразился на решении многих молодых людей, стремившихся получить образова-

ние на качественном европейском уровне. Похоже, что многие состоятельные семьи просто продолжали традицию свободно выезжать за границу и отправлять своих детей учиться, прежде всего, в немецкие университеты, что в начале XX века было довольно обычным делом. И такие возможности пока сохранялись.

В конце 10-х – начале 20-х годов XX века из России эмигрировало более 2 миллионов человек. Многие из них осели в Манчжурии, Харбине, Праге, Стамбуле, Белграде, Польше. Берлин после первой мировой войны стал настоящей культурной столицей Европы. Это был период Веймарской республики (1919-1933), который характеризовался нестабильностью и социальными конфликтами. Правительство сменилось 21 раз, пока Гитлер не пришел к власти. Но одновременно это была эра золотых 20-х, период беспрецедентных технических и культурных инноваций, центром которых являлся Берлин. Говорят, что в это время Берлин даже сменил Париж как культурную метрополию и стал центром научной жизни Европы в целом, притягивая самых амбициозных, энергичных и талантливых. Ученые, писатели, музыканты, художники и из Германии, и из-за границы приезжали в Берлин, чтобы присоединиться к насыщенной культурной жизни: великолепные оркестры, 120 газет, 40 театров. Здесь живут и работают драматург Бертольд

Брехт, ученый Альберт Эйнштейн, художник Макс Эрнст, писатель Роберт Музиль, физик-теоретик Макс Планк... В частности, характерной чертой научного Берлина был интенсивный обмен, происходивший между приезжими (эмигрантами и не-эмигрантами) и немецкими учеными. Берлин того времени может рассматриваться как предшественник транснациональной науки и культуры.

Уже в XIX веке этот город пережил мощную волну эмиграции. Но именно Берлин с 1918 по 1925 год можно назвать столицей русской эмиграции. Из-за низких цен и насыщенной культурной жизни Берлин стал на некоторое время любимым направлением советских путешественников и эмигрантов. Если к концу 1919 года в Берлине проживало 7 тысяч русских, то осенью 1920 года уже 560 тысяч (многие из них временно останавливались в Берлине, чтобы сориентироваться в следующем шаге своей эмиграции) (Сорокина, 2003, с. 9). По другим данным, в период расцвета в 1920–1924 годах численность постоянной русской общины достигала 300 тысяч человек (Шлегель, 2006, с. 10). Более того, в начале 20-х годов в Берлине сложился культурный центр, объединивший русских, живущих по всей Германии — в Лейпциге, Дрездене и других городах.

Таким образом, к началу 20-х годов XX века в немецком обществе сложилась богатая русская субкультура, и в ней значительное место занима-

ли русско-еврейские интеллектуалы. Выходило несколько русских газет, из них три ежедневные (редактором одной из них был отец В. Набокова), печатались русские литературные журналы, играли спектакли русские театры, организовывались выставки современного русского искусства. Был выпущен русский путеводитель по Берлину; работали русские магазины, шесть банков, возникали общественные организации, в том числе благотворительные, поддерживающие, например, голодающих в России. В Берлине того времени насчитывалось 20 русских книжных лавок и, по крайней мере, 17 крупных и до 188 специализированных издательств (Сорокина, 2003, с. 10). Издавалось большое количество учебной литературы, в частности, для русских общеобразовательных заведений. Младшие члены семей эмигрантов посещали две гимназии, при одной из них — детский сад и начальную школу, постепенно вливаясь в немецкую культуру. Студенты имели возможность учиться в Русском институте (создан в 1923 году), который был ассоциирован с Берлинским университетом и Технической высшей школой, или в Философской академии, чуть позже основанной Н. Бердяевым. Естественно, многие русские эмигранты обучались в немецких высших учебных заведениях. В это время в Германии насчитывалось около трех тысяч русских студентов. Причем предмет обучения и профессиональные экзамены часто

были менее важны, чем широкое образование и глубокий интерес к немецкой культуре.

Примечательно, что в русском Берлине различие эмиграции и не-эмиграции было довольно условно: эмигранты и советские граждане пересекались на каждом шагу, свободно общаясь друг с другом. Советские граждане работали в посольстве и в торговом представительстве (в общем около трех тысяч человек). Эмигрантские издательства распространяли свою продукцию и в СССР. Советские бизнесмены, художники, ученые, музыканты, шахматисты посещали столицу Германии и жили в ней подолгу (А. Белый, Н. Берберова, И. Бунин, И. Эренбург, С. Есенин, М. Горький, В. Ходасевич, В. Маяковский, В. Набоков, Б. Пастернак, А. Ремизов, Н. Тимофеев-Ресовский, В. Шкловский, М. Цветаева, А. Толстой, С. Франк, Р. Якобсон). В этом потоке были и выдающиеся русские психологи — Александр Лурия, Лев Выготский, Дмитрий Узнадзе (Lück, 2002; Veer, 2000).

Таким образом, на короткий период начала 1920-х годов Берлин стал главным центром русской культуры за границей Советского Союза.

Когда Т. Дембо прибыла в Берлин в 1921 году, ей было 19 лет. Живя в Берлине, она быстро влилась и в золотые 20-е, и в основной поток русской общины и культуры. Для начала учебы в университете Т. Дембо требовалось сдать дополнительные экзамены. Успешно справившись с этой задачей, в 1923 году она по-

ступила в университет на Унтерден Линден, который тогда еще назывался университетом Фридриха Вильгельма. Она начала изучать математику и естественные науки, слушала лекции по физике и политической экономии. Тамара Дембо хотела стать инженером. По ее собственным более поздним высказываниям, уже в России она решила сделать что-нибудь для того, чтобы приспособить машины к человеку, вместо того, чтобы человека приспособлять к машинам (Marrow, 1977, p. 34). Она читала Тейлора и интересовалась психотехникой.

В какой-то момент она переключилась с естественных наук на психологию, философию и историю искусств: слушала лекции Макса Дессуара, Вольфганга Кёлера, Карла Штумпфа, Макса Вертгеймера и других. От своих землячек Марии Овсянкиной и Блюмы Зейгарник Дембо впервые услышала о Курте Левине и по их совету попала на его занятия (Marrow, 1977, p. 34). (Сама Блюма Зейгарник, как и многие приехавшие в Берлин из Восточной Европы, недавно начала учебу в университете с занятий по немецкому языку и литературе, а потом почти случайно попала на психологические лекции философского факультета (Золотова, 2007, с. 136).) Так Т. Дембо присоединилась к группе молодых исследователей, работавших под началом Курта Левина в берлинском Психологическом институте, и это стало решающим для всей ее жизни.

Психологический институт: гнев как динамическая проблема

Необходимо учесть, что еще не существовало ни психологии как профессии, ни четких представлений о том, что входит в область психологических исследований, ни учебного процесса подготовки по специальности, ни диплома психолога. Однако многое указывало на высокий статус института и психологии в целом. Психологический институт университета Фридриха Вильгельма располагался в самом центре Берлина, в городском дворце — бывшей главной зимней резиденции немецких монархов, и был одним из самых оснащенных научных учреждений того времени (здание было разрушено в 1950-х годах, и сейчас существует проект его восстановления). Созданный К. Штумпфом в 1900 году, с 1922 года институт находился под руководством Вольфганга Кёлера, доминирующим направлением исследований, естественно, стала гештальтпсихология, а психологи Берлинского института образовали сплоченную группу, в которой выступали друг для друга в различных ролях — руководителя, вдохновителя, соавтора, ассистента, испытуемого. С 1921 года В. Кёлер с сотрудниками начали выпускать журнал «Psychologische Forschung» («Психологические исследования»), по сути, центральный печатный орган исследования по теории гештальта, который отражал космополитичный характер института и

стал своеобразным местом встречи психологов разных стран (Ash, 1995, p. 210-211). Например, в то время в журнале были опубликованы исследования С. Кравкова (Kravkov, 1928; 1932; Kravkov, Paulsen-Bashmakova, 1929), А. Лурии (Luria, 1929), А. Самойлова (Samojlov, 1923), Д. Узнадзе (Uznadze, 1924; 1930).

Студенты, которые появились в Берлинском институте в первой половине 20-х годов, изучали психологию с целью получения ученой степени или как самоценность, своего рода «роскошь», из чистой любви к науке. Практически все они вышли из высшего уровня среднего слоя общества, бросалось в глаза большое для того времени число женщин и иностранцев. Многие сотрудники и студенты имели политически левые настроения, они писали для социалистических ежемесячных журналов, для «Вельтбюне» К. Осецкого, интересовались искусством, музыкой и естественными науками. Много позже Вольфганг Метцгер называет Берлинский психологический институт «потерянным раем» (Metzger, 1970).

Выпускник Берлинского университета и диссертант Карла Штумпфа, Курт Левин в 1921 году стал ассистентом, а в 1922 приват-доцентом Психологического института. Сначала он занимался проблемами отбора персонала и организации рабочего места, проводил психотехнические исследования среди промышленных рабочих, но постепенно собрал воз-

ле себя группу студентов, исследующих аффекты и действия в рамках гештальт-подхода. Общению со студентами Курт Левин всегда уделял особое внимание. Он часто собирал их за столиком «Шведского кафе», расположенного напротив Берлинского психологического института (Hothersaal, 1995, p. 241) и обсуждал различные проблемы психологии. О своем учителе Т. Дембо позже писала: «Для Левина психология значила целую жизнь. Мы также рассматривали ее не как профессию, а как образ жизни... Так, у него всегда было достаточно времени поговорить о наших работах, обсудить и уточнить наши мысли» (цит. по: Margow, 1977, p. 34).

Отметим, что часть будущих диссертаций и ставших позже всемирно известных работ, оказавших глубокое влияние на развитие психологии, представляли студенческие работы того времени, выполненные под руководством Левина. Практически во всех работах этой группы можно проследить мысль, что поведение личности определяется не только личностными чертами, но и социальной ситуацией. Группа под руководством К. Левина изучала не изолированную личность, а личность в ситуации. Б. Зейгарник (Zeigarnik, 1927), М. Овсянкина (Ovsiankina, 1928), Г. Биренбаум (Birenbaum, 1930), Т. Дембо (Dembo, 1931a) и многие другие ученики К. Левина опубликуют свои диссертационные работы в журнале «Психологические

исследования» как часть серии «Исследование в психологии действий и аффектов». Позже Б. Зейгарник и Г. Биренбаум вернутся на родину и станут сотрудниками Л.С. Выготского (Золотова, 2007).

Пока же в этой космополитичной, по-настоящему интернациональной атмосфере Берлина и берлинской школы гештальтпсихологии и проходили учеба и исследования Т. Дембо.

С 1925 по 1928 год она провела собственные исследования, составившие эмпирическую базу ее диссертации на тему «Гнев как динамическая проблема». Всего было проведено три экспериментальные серии: «набрасывание колец», «цветочная проба» и «ожидание».

Первый опыт состоял в том, что на столе стояли две бутылки, и надо было с расстояния 3–4 метра набрасывать на них деревянные кольца диаметром 15 см («Как в Луна-парке», — поясняла Т. Дембо). Всего давалось 10 колец. Испытуемые вообще попадали редко, еще реже дважды подряд, при этом упражняться нужно было до тех пор, пока не получится набросить все 10 колец в одной серии. То есть это задание было для всех испытуемых невыполнимым, хотя сначала таковым не казалось.

При «цветочной пробе» на полу комнаты, в которой проходил эксперимент, из четырех реек каждая длиной примерно 1,5 м был выложен квадрат. Внутри квадрата был поставлен стул, а на табурете вне квадрата лежал цветок. Вне квадрата были

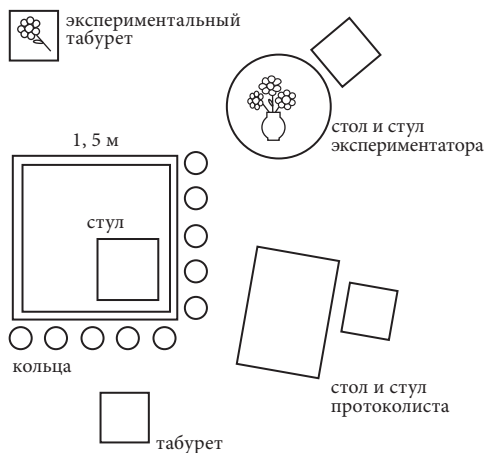

Рис. 1. Схема экспериментальной ситуации «Цветочная проба» (по Dembo, 1925; 1931a; 1931b)

положены также кольца (из первого эксперимента с бутылками). На столе экспериментатора стояла ваза с такими же цветами, как на табурете. В комнате был еще один, «неэкспериментальный» табурет (рис. 1). Испытуемый должен был достать цветок с табурета, при этом он не должен был выходить из квадрата. Расстояние регулировалось таким образом, что просто дотянуться до цветка было невозможно.

Существовало два решения: поставить стул между квадратом и табуретом и, опираясь на него, дотянуться до цветка. Или встать на колени вне квадрата так, чтобы стопы оставались внутри него, и тогда можно было дотянуться до цветка. Иногда «промежуточной» опорой были не колени, а рука, но это рассматривалось как вариант второго решения. Если человек находил ре-

шение, он должен был найти второе решение, что тоже часто удавалось. Тогда от него требовалось найти третье решение. Третьего решения не существовало, однако экспериментатор уверенно настаивал на необходимости его найти.

В третьей серии испытуемые входили в помещение, но не получали никакой инструкции от экспериментатора, который что-то писал и на вопросы испытуемого отвечал односложно: «да» или «нет». Третья серия проведенных экспериментов не была включена в диссертационное исследование (Veer, 2000). Нет точных сведений о том, почему это произошло, однако предположение о возможных причинах будет высказано ниже.

Всего в экспериментах Т. Дембо приняло участие 27 человек. Примерно половина испытуемых это сотрудники Психологического института. Достоверно известно, что по крайней мере в «цветочной пробе» принимал участие А.Р. Лурия, посещавший Берлинский психологический институт в 1925 году; Дембо позднее описывала его как «заинтересованного, но немного трудного испытуемого» (Rosa, Wertsch, 1993, p. 6). Все испытуемые были «наивными», то есть не знали цели исследования (вызвать и изучить гнев), и могли о ней только догадываться (например, что исследование касается самообладания). С другой стороны, испытуемых в исследованиях Т. Дембо — как, вероятно, и в других работах Психологического института — трудно назвать

«наивными» в полном смысле этого слова: в большинстве случаев они знали, кто над какой темой работает, принимали участие во многих различных экспериментах и могли провести сравнение; наконец, они сами нередко планировали и проводили свои исследования, в том числе по близкой тематике.

При экспериментальных процедурах присутствовал не только экспериментатор (сама Т. Дембо), но и ассистент (например, ей ассистировал Дж. Браун, позже — видный американский психолог, работавший в Йеле и Канзасе). Все эксперименты тщательно протоколировались: ассистент записывал от руки все, что говорилось, а экспериментатор делал только самые существенные для него пометки. Собственно, функция экспериментатора была больше чем просто быть наблюдателем и протоколистом в исследовании (Hodgson, 2004): со всеми испытуемыми Т. Дембо взаимодействовала, призывала, настаивала, меняла условия, мешала выполнению (например, ловила брошенное на бутылку кольцо), согласно цели исследования, создавала напряженность, «сердила» испытуемого, то есть была активным фактором экспериментальной ситуации. По окончании эксперимента испытуемого спрашивали о чувствах, которые он испытывал во время него, что также подробно записывалось. Объем среднего протокола 15 страниц за сессию. Позже Т. Дембо упоминала, что лучше было бы записывать экс-

периментальный процесс на киноплёнку, однако в то время это было еще слишком трудно и дорого.

Сохранившиеся в архивах протоколы экспериментов позволяют проанализировать и обобщить результаты исследований Т. Дембо. Например, для историков психологии представляют особый интерес 25-страничный протокол испытуемой по фамилии Водварка (Dembo, 1927), протокол обсуждения доклада Т. Дембо на коллоквиуме Психологического института университета от 7 декабря 1925 года (Dembo, 1925; Veer, Lück, 2002), а также сам текст диссертационной работы (Dembo, 1931a; 1931b; Дембо, 2001).

Когда испытуемые сталкивались с неразрешимой задачей (набросить 10 колец подряд в первом опыте или найти третье решение в «цветочной пробе»), через некоторое время они приходили в состояние аффекта. Это выражалось по-разному: кто-то топал ногами и кричал, другой бил кулаком по столу и сбрасывал со стола кольца, в третьем случае испытуемый выбегал из экспериментальной комнаты и плакал, четвертый хватал экспериментатора за волосы. Согласно Т. Дембо, а также обсуждению на коллоквиуме института (Dembo, 1925), третий эксперимент не спровоцировал сильных эмоций, так как в нем не было тщетных попыток решить неразрешимую задачу (что и могло явиться причиной дальнейшего отказа от описания этой серии в диссертационной работе).

Часто варианты решения переходили на нереалистический уровень и были либо фантастическими (в «цветочной пробе»: «Плыть! Наполнить комнату водой!»), либо явно нарушали условия эксперимента (одна испытуемая, например, подбежала к настенной вешалке, набросила кольца на крючки и рассмеялась; другой испытуемый взял цветок из вазы со стола экспериментатора, положил его на «неэкспериментальный» табурет и поставил этот табурет в зоне досягаемости из квадрата; кто-то предложил положить кольца и по ним пройти к табурету). На короткое время это приносило испытуемому удовлетворение и успокоение, однако он сам же через некоторое время понимал мнимость такого решения. Само присутствие экспериментатора нарушало их обычное состояние: так, в третьем опыте испытуемый в «ситуации ожидания» стал решать кроссворд, но не мог вспомнить нужные слова. Когда экспериментатор вышел на несколько минут из комнаты (разговор по телефону), «сразу два слова пришли в голову».

Т. Дембо и ее окружающие, разумеется, не использовали термин «психологическая защита» из «чужого» — психоаналитического — лексикона, однако упоминали, что один из испытуемых, бросив неудачно первое кольцо, нарочно небрежно бросил остальные девять («ведь опыт все равно будет считаться неудачным»); другой испытуемый, когда экспериментатор перехватил летящее на бу-

тылку кольцо, сделал довольный вид: «противник» помог ему избежать неуспеха.

Т. Дембо описывает, что иногда испытуемые «покидали» экспериментальную ситуацию, не покидая комнату. Не имея возможности решить задачу, они начинали читать газету, книгу, решать кроссворд, смотреть в окно, рассматривать обои, дремать. Или обращали внимание на детали, явно не относящиеся к эксперименту («Почему лампа грязная?»). Другие старались выйти из ситуации физически, вдруг вспоминая о необходимости сделать срочный телефонный звонок, прийти сегодня домой пораньше, о неотложных обязательствах перед преподавателями («Сегодня мне еще надо много чего сделать для Руппа»; Ганс Рупп — ученик Г. Мюллера и руководитель лаборатории прикладной психологии в институте Штумпфа в Берлине).

Протокол обсуждения доклада на коллоквиуме Психологического института (29 страниц, хранится в архиве университета Кларка, предположительно, сделан по звукозаписи) (Dembo, 1925; Veer, Lück, 2002) дает несколько дополнительных поводов для комментариев, которые непосредственно не касаются темы исследования, но представляются весьма интересными, особенно с точки зрения истории психологии.

Во-первых, в обсуждении на равных участвуют не только маститые мэтры (вел обсуждение М. Вертгеймер, участвовали К. Левин, К. Гот-

тшалдт, Эрих Линдемманн, Отто Липман, Йоханнес фон Аллеш, другие сотрудники института; директор института В. Кёлер не принимал участия только потому, что в это время находился в длительной командировке в США), но и гости института, а также докторанты (например, известная ученица К. Левина А. Карстен), студенты, просто испытуемые. Всего в обсуждении приняло участие 22 человека. Цель обсуждения научного доклада, с современной точки зрения, не очень обычная — не экспертиза работы, а углубление ее понимания, не только уточнение теоретической позиции, но и прояснение ее смысла для участников экспериментальных проб. Поэтому в живой, заинтересованной и очень предметной дискуссии дается возможность высказаться всем, в том числе бывшим испытуемым, еще раз проанализировать и обосновать свои реакции, высказать свои пожелания относительно улучшения экспериментальной процедуры: дискуссия имеет своего рода «психотерапевтический» эффект (Вертгеймер: «Это не стыдно, сердиться в такой ситуации, и сильно сердиться»). Можно сказать, что на коллоквиуме происходит групповая проработка фрустрационной ситуации (Вертгеймер: «Можете ли вы что-нибудь рассказать об этом?», Левин: «У других это происходило так же?»). При этом вклад испытуемых рассматривается как важный и необходимый для успеха исследований.

Другой комментарий относится к характеру взаимоотношений испытуемого и экспериментатора во время экспериментальной процедуры. Может быть, впервые обсуждается тема власти в отношениях экспериментатора и испытуемого. При повышении давления со стороны экспериментатора («Экспериментатор вел себя провокационно и агрессивно, иногда это было совершенно неожиданно») авторитет экспериментатора переходит в антагонизм, и испытуемый вступает с ним в противоборство («Я хотел ее убить, было ощущение, что она заколдовала кольца»). По признанию самой Т. Дембо, испытуемые воспринимали ситуацию как борьбу и пытались перехитрить экспериментатора, подорвать его авторитет, дать иронические комментарии и поставить под сомнение собственно экспериментальную процедуру, и им это доставляло удовольствие. Более того, испытуемый может провоцировать конкуренцию между экспериментаторами. Например, испытуемая Водварка во время эксперимента у Т. Дембо вспоминает эксперимент Н. Майера, который ей очень понравился (Н. Майер — приехавший из США докторант, в Берлинском институте занимался темой конфликтов, позднее — видный американский организационный психолог); Т. Дембо вынуждена сказать, что она не знакома с его исследованиями, на что испытуемая подчеркнута советует ей обязательно посетить «очень красивый эксперимент». Таким обра-

зом, происходит своеобразное «обращение власти»: эксперименты с неразрешимыми задачами, психическим напряжением и массивной длительной фрустрацией приводят к обмену ролями, что важно знать исследователям. Это подтверждает Х.-П. Браунс, который показывает значение диссертации Т. Дембо для более поздней социальной психологии (Brauns, 1992, pp. 99-100).

В обсуждении на коллоквиуме возникает еще одна интересная и в то время новая тема: насколько необходимо создавать у испытуемого ощущение победителя? Участники дискуссии, бывшие испытуемые в эксперименте Т. Дембо, говорят, что эксперимент должен происходить в приятной обстановке, заканчиваться для испытуемого хорошим расположением духа, должен быть очевиден прогресс. М. Вертгеймер высказывает ценные предложения: во-первых, было бы интересно рассмотреть коллективное взаимодействие; когда один начинает выполнять задание, но оно оказывается слишком трудным, есть возможность получить поддержку второго, который реально может помочь (причем в принципиально разных ситуациях, когда экспериментатор это видит или не видит). Во-вторых, Вертгеймер говорит, что ему очень интересны и чувства неполноценности, и чувства победителя, желание себя показать. Он говорит, что существует чувство неполноценности, которое «дает много хороших чувств», и чувства победи-

теля, которые «ужасно неприятны». Непосредственно вслед за работой Т. Дембо была выполнена работа другого ученика К. Левина, Ф. Хоппе, об уровне притязаний (Hoppe, 1931). Без сомнения можно сказать, что эти исследования дали толчок к изучению темы, позже обозначенной как мотивация достижения.

Несмотря на то, что результаты третьей экспериментальной серии не вошли в диссертационную работу, они также представляют интерес для анализа. Не получив никаких инструкций, люди все же оставались в помещении, и довольно спокойно продолжали ждать, занимали себя малозначимыми делами, безуспешно пытались разговорить экзаменатора. Конечно, такое поведение можно объяснить тем, что многие из них были сотрудниками института и находились в привычной рабочей обстановке. Однако люди, которые не работали в институте и были здесь впервые, также не возмущались. Наблюдаемое поведение очевидно соотносится с гораздо более поздними знаменитыми социально-психологическими экспериментами С. Милгрэма на подчинение авторитету (примечательно, что и у Т. Дембо, и у С. Милгрэма испытуемые часто хотели прервать эксперимент, но не делали этого), а также менее известными исследованиями М. Орна (Orne, 1962). В начале 60-х годов XX века М. Орн предположил, что люди в гипнотическом состоянии будут выполнять бессмысленные

действия, однако в обычном состоянии откажутся от них, или быстро прервут их выполнение. Он ошибся: и в обычном состоянии люди были готовы совершать бессмысленные действия гораздо дольше, чем предполагалось.

Как уже говорилось выше, экспериментальная основа работы была выполнена за период с 1925 по 1928 год; всего в 64 экспериментах, каждый из которых длился 1-2 часа, приняло участие 27 человек. Конечно, трудно объяснить, почему для этого Т. Дембо понадобилось четыре года (Veer, 2000), тем более что основные результаты всех трех экспериментальных серий уже доложены на коллоквиуме в конце 1925 года. Известно, что в 1928 году она сдала дополнительный, необходимый для диссертанта, экзамен по латыни. Но главное, на что следует обратить внимание, говоря о второй половине 20-х годов для Т. Дембо, — это становление концептуальной основы теории К. Левина, в котором работа Т. Дембо занимает немаловажное место. Когда Т. Дембо начала свой пилотный эксперимент летом 1925 года, собственно такой теории еще не

существовало, однако спустя пять лет она уверенно опирается на векторную теорию К. Левина. 14 июля 1930 года К. Левин рекомендует диссертационную работу к печати и защите (Lewin, 1930). Таким образом, именно в это время произошел сдвиг интерпретации результатов с контекста воли и аффектов в контекст разрабатываемой К. Левиным теории поля (Зейгарник, 1981).

Схема (рис. 2), проанализированная Т. Дембо (Dembo, 1931a; 1931b), показывает, что в экспериментальной ситуации испытуемый находится в некотором поле задачи, включающем цель (в психологическом смысле, это не сам цветок, а выполнение задачи его достать). Цель формирует мотивационную силу («вектор»), результатом которого является «локомоция» (приближение к цели). Однако невидимые барьеры, с которыми «сталкивается» испытуемый, преграждают движение к цели. Через некоторое время испытуемый решает выйти из экспериментального поля. Но это невозможно: поле задачи ограничено внешними барьерами. Таким образом, внутренние барьеры препятствуют достижению цели, а внешние

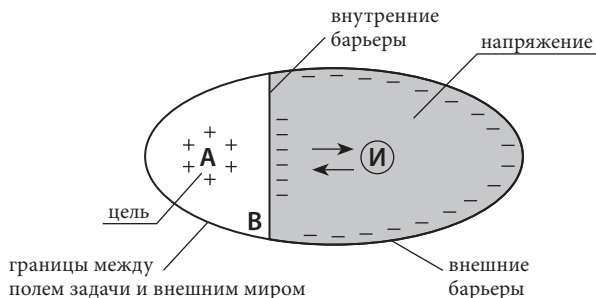

Рис. 2. Схема экспериментальной ситуации в исследованиях Т. Дембо с позиций теории поля К. Левина (по Dembo, 1931b)

не дают выйти из проблемной ситуации. Напряжение растет. Оставаясь в поле задачи, испытуемый находится в «маятниковом» состоянии между целью, внешними и внутренними барьерами, переживает неуспех, в частности, испытывает гнев, или переходит на уровень «ирреальности», или осуществляет так называемый «выход из поля», физически продолжая пребывать в экспериментальном пространстве.

Чтобы представить, как поле эксперимента влияет на жизненное пространство испытуемого, Т. Дембо изображает несколько концентрических окружностей, исходящих от экспериментатора, вне жизненного пространства, но сильно влияющих на это поле при установлении валентностей и барьеров. Она указывает, что субъект начинает осознавать, как эта сила организует его во фрустрирующей ситуации, он вступает в борьбу с экспериментатором, пытаясь разрушить власть последнего над ситуацией. Дембо представляет диаграмму поля борьбы следующим образом (рис. 3).

Итак, в диссертационном исследовании Т. Дембо можно видеть этап

становления концептуального аппарата теории поля К. Левина, которая приобретет свою законченную форму только после его вынужденной эмиграции (Lück, 2001), а также важные предпосылки исследований явления, которое позже будет обозначено как фрустрация (Barker, Dembo, Lewin, 1941).

Основная работа над диссертацией была закончена к концу 1928 года, и вряд ли для ее завершения и успешной защиты требовалось еще полтора года. Должны были быть еще какие-то веские причины.

Гронинген: целенаправленное поведение крыс и птиц

После открытия архива Т. Дембо (Dembo Papers. Clark University Archives, Worcester, MA) и работы Рене Ван дер Веера по архивным материалам (Veer, 2000) впервые стало известно, что с января по декабрь 1929 года (согласно запискам и письмам самой Т. Дембо, с начала февраля до августа 1929 года) она работала в Физиологическом институте университета в Гронингене (Нидерланды) в качестве ассистентки директора института Фредерика

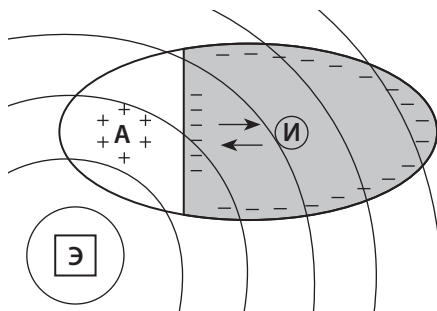

Рис. 3. Схема влияния экспериментатора на жизненное пространство испытуемого (по Dembo, 1931b)

Бойтендайка, где ей удалось приложить принципы теории поля к исследованию животных и участвовать в обучении студентов.

В то время Гронинген, безусловно, относился к самым авторитетным институтам, где психология процветала. В 1926 году здесь состоялся 8-й Международный психологический конгресс, на котором доминировали идеи гештальтпсихологии. Кстати, именно на этом конгрессе советский психолог Д.Н. Узнадзе впервые выдвинул понятие установки.

Фредерик Бойтендайк (Frederik J.J. Buytendijk, 1887–1974) — один из ведущих зоопсихологов того времени, позднее — основатель феноменологической школы психологии в Утрехте, известный также своими работами по психологии игры. В 1925 году Ф. Бойтендайк получил звание профессора физиологии в университете Гронингена, и ко времени прибытия Дембо им уже были опубликованы работы, которые сегодня относят к классическим работам по зоопсихологии и этологии (например, по формированию навыков у птиц и рыб, перцепции у собак). Потом Бойтендайк, вдохновленный сравнительным подходом Йеркса, исследует многие другие биологические виды, например, муравьев, птиц, осьминогов и — много позднее — женщин.

Кто порекомендовал Т. Дембо Ф. Бойтендайку, достоверно не известно, но, скорее всего, это кто-то из гештальт-психологов. Ф. Бойтендайк интересовался гештальт-подходом и

некоторое время сам использовал понятия гештальтпсихологии для описания и анализа поведения животных, был лично знаком с К. Коффкой, К. Левином, К. Гольдштейном и переписывался с ними.

Примечательно, что в то время в Нидерландах женщины редко занимались преподаванием и исследованиями в университетах, а сам Бойтендайк вообще не очень позитивно относился к работе женщин; например, даже много позднее (1951) он утверждал, что женщины больше годятся для «помогающих» профессий, если им вообще надо работать (Veer, 2000). Однако Дембо не только подружилась с Ф. Бойтендайком и его семьей, но и сделала серьезные исследования поведения животных в его институте физиологии, совместив подходы своих руководителей — теорию поля К. Левина и экспериментальную схему и антибихевиоризм Ф. Бойтендайка.

Ф. Бойтендайк критиковал эксперименты американских бихевиористов и И.П. Павлова за то, что в их экспериментальных ситуациях у животных остается очень мало выбора (собаки выделяют или не выделяют слюну; крысы бегут в Т-образном лабиринте направо или налево). Бойтендайк утверждает, что для изучения мыслительных способностей животных необходимо создание ситуаций, которые, во-первых, предоставляют животному много степеней свободы и, во-вторых, этим параметром можно управлять в ходе эксперимента.

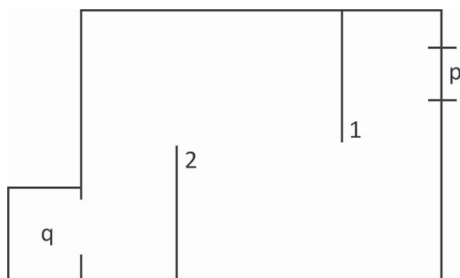

Рис. 4. Схема лабиринта для изучения поведения крыс в свободной ситуации (по Dembo, 1930; Veer, 2000)

Единственная публикация Т. Дембо, относящаяся к данной проблеме, — «Целенаправленное поведение крыс в свободной ситуации» (Dembo, 1930), — дает представление о возможности такого изучения. В качестве экспериментальной установки Т. Дембо использовала так называемый ящик Бойтендайка (рис. 4): ящик размером 120×70 см давал возможность крысам свободно передвигаться, стеклянные пластины 1 и 2 использовались как барьеры, но позволяли животному видеть цель (еду).

Типичный ход эксперимента состоял в том, что крыса запускалась в экспериментальную установку через дверь и двигалась внутри ящика, пока не находила пищу. Далее ей давалась 1 минута, чтобы еду съесть, на этом опыт заканчивался. Т. Дембо работала с тремя крысами: по ее записям, их звали Ада, Биба и Боба. Ежедневно в течение 20 дней каждая из них помещалась в экспериментальную установку 5–8 раз. Протоколы содержали подробное описание траекторий

передвижения крыс и комментарии к ним (Veer, 2000).

Результаты эксперимента в терминах теории поля (известно, что Т. Дембо обсуждала свои зоопсихологические опыты с К. Левином) выглядели следующим образом. Попавшая в «ящик Бойтендайка» впервые, крыса свободно двигалась внутри него, исследовала пространство непредсказуемым образом, пока случайно не оказывалась перед целью. То есть поведение крысы было детерминировано множеством векторов, которые направляли ее в разные стороны. Однако уже со второго раза поведение крыс существенно менялось: попадая в ящик, они следовали более или менее прямо к цели, огибая стеклянные пластины. Целенаправленное поведение сохранялось, пока крысы не насыщались (обычно за 4–5 раз). После этого животные снова проявляли большой интерес к окружению, начинали новое исследование ящика, и передвижение внутри установки снова становилось непредсказуемым. Значит, крыса помнит короткий путь к цели, но пользуется им только тогда, когда цель (еда) сильнее других сил поля. Если другие векторы оказываются сильнее, ее поведение становится более изменчивым.

Исследование поведения крыс Ф. Бойтендайк и Т. Дембо продолжили на другой экспериментальной установке. Она представляла собой большую коробку 2×2 м и высотой 1 м, наполненную многими разными и предположительно привлека-

тельными для крыс объектами: различные виды пищи, кусочки дерева, блюдечко воды, маленькие мешочки с песком, кусочки металла, предметы, по которым можно было лазить, веревки, за которые можно было потянуть и получить еду. Иногда в коробку помещалось также животное другого вида (лягушка или кролик). В своей переписке Т. Дембо и Ф. Бойтендайт называли этот ящик «парком аттракционов» (Dembo, 1930–1931). Крысы находились в коробке по одной, парами или впятером. Предполагалось, что «обогащенная» среда приведет к более вариативному и «умному» поведению, чем в обычных условиях, а тем более в широко известном по бихевиористским опытам Т-образном лабиринте. Т. Дембо провела серию наблюдений, однако не закончила рукопись, и, в конце концов, Ф. Бойтендайт опубликовал работу в 1931 году под своим именем, указав в подзаголовке, что статья написана «на основе экспериментов Дембо» (Veer, 2000). К сожалению, результаты исследования не были интерпретированы в терминах топологического подхода, что, скорее всего, сделала бы сама Т. Дембо.

Совсем малоизвестно, что Т. Дембо провела в Гронингене еще одну серию опытов. Упоминание о наблюдениях за птицами, также в сотрудничестве с Ф. Бойтендайком, осталось только в архиве Т. Дембо, в незаконченной рукописи, напечатанной на машинке, с массой пометок и дополнений, написанных от руки

Рис. 5. Экспериментальная установка для изучения поведения птиц при поиске пищи (по Dembo, 1929; Veer, 2000)

(Dembo, 1929). Подлинные причины, по которым эти исследования так и не были опубликованы, не известны. Знаящие Т. Дембо коллеги отмечали, что она вообще мало и медленно писала (de Lima, 1999), но скорее всего, работа в области зоопсихологии была вынужденно прервана тем, что надо было возвращаться в Берлин для защиты диссертации.

Итак, в этом исследовании Т. Дембо в лабораторных условиях изучала поведение чижей при поиске пищи. В клетке 50×50×35 см были прикреплены четыре коробочки, в которых за маленькой дверцей могла находиться еда (рис. 5).

В первой части эксперимента птицу приучали, что еда всегда находилась за дверью В (так продолжалось до 4 месяцев), затем клетка, стоящая на столе, разворачивалась на 180 градусов. Пища по-прежнему находилась в боксе В, но сама коробочка находилась там, где раньше располагалась коробочка Д. Наблюдения за тем, что же будет делать птица, пока не найдет пищу в новых

условиях, представлены в виде подробнейших описаний последовательности различного поведения птицы (Veer, 2000). При описании Т. Дембо использует динамические и топологические термины.

Обобщая результаты сотрудничества Т. Дембо с Ф. Бойтендайком в области поведения животных, можно сказать, что их идеи отчетливо показывают ограничения бихевиоризма и явно обнаруживают черты, которые позднее будут присущи этологии. Спустя всего несколько лет, на 11-м Международном психологическом конгрессе в Париже (1937 год), именно Ф. Бойтендаик заявит коллегам основные идеи нового направления — этологии. Как когда-то Т. Дембо изнутри переживала процесс создания теории поля К. Левиним и способствовала ему в этом, так и во время работы с Ф. Бойтендайком она опять же оказалась в самой гуще революционных научных событий. Можно надеяться, что Т. Дембо обогатила интерпретацию поведения животных применением топологической теории. Традиция натуралистических экспериментов по исследованию поведения животных была продолжена этологами в новых, полевых условиях.

25 июля 1930 года Тамара Дембо защитила диссертацию в Берлине. Ее работа была издана (что обыкновенно для учеников К. Левина того времени) в книжной форме и с кратким жизнеописанием (Dembo, 1931b), а также в журнале «Психологические

исследования» в серии статей «Исследования психологии действий и аффектов» (Dembo, 1931a).

Уже 27 июля 1930 года она написала Ф. Бойтендайку о своей успешной защите и сообщила, что собирается на шесть недель к профессору Коффке в Нортхэмптон (Dembo, 1930–1931). Она уехала через Голландию, Лондон, Ливерпуль в Нью-Йорк и далее в Нортхэмптон, в конце лета 1931 года на три месяца снова возвратилась в Берлин, снова уехала в США, но были затруднения с американской визой, и она планировала вернуться в Европу, о чем переписывалась с Ф. Бойтендайком в Нидерландах и с А.Р. Лурией в СССР. Однако по причине распространения фашизма и преследований евреев возвращение в Европу не осуществилось, было принято решение окончательно обосноваться в США, вдали от родительской семьи.

Так завершился европейский период жизни Тамары Дембо.

США: продолжение немецких традиций

Можно сказать, что Т. Дембо является ярким представителем явления, которое сегодня называется академической мобильностью: ее научная карьера в США связана со Смит-колледжем (Smith College, 1930–1932), Вустеровским госпиталем (Worcester State Hospital, 1932–1934), Корнелльским университетом (Cornell University, 1934), университетом штата Айова (University of Iowa, 1934–1943),

Т. Дембо с коллегами

Маунт-Холиоук-колледжем (Mount Holyoke College, 1943–1945), Стэнфордским университетом (Stanford University, 1945–1948), Новой школой социальных исследований в Нью-Йорке (New School for Social Research, 1948–1951), Гарвардским университетом (Harvard University, 1951–1953), и, наконец, университетом Кларка (Clark University, 1953–1980).

Итак, в 1930 году Курт Коффка, профессор престижного женского Смит-колледжа в Нортхэмпшире, приглашает к себе трех научных сотрудников — ассистентов. Кроме Т. Дембо, были рекомендованы и заняли рабочие места Евгения Ганфман и Фриц Хайдер, также придерживающиеся гештальтпсихологического

подхода. Евгения Ганфман (1905, Санкт-Петербург, — 1983, США) была русской эмигранткой, училась и позже работала в университете в Йене у В. Петерса, в 1927 году получила докторскую степень за исследование визуальных ассоциаций. Фриц Хайдер (1896, Вена, — 1988, США) учился в Граце, защитил диссертацию у А. Мейнонга, сотрудничал с М. Вертгеймером и В. Штерном, был знаком с Т. Дембо по Берлину, позже вспоминал относящиеся к берлинскому периоду долгие разговоры с ней о личности, отношениях, эмоциях и отзывался о ней как об умном и глубоком собеседнике.

Первые работы американского периода научной деятельности

Т. Дембо сделаны под руководством К. Коффки в сотрудничестве с Е. Ганфман и посвящены исследованиям восприятия. Об этих исследованиях можно судить по статье (на английском языке), опубликованной Т. Дембо и Е. Ганфман в 1933 году в журнале «Психологические исследования». В работе речь идет о восприятии величины плоских фигур и объемных тел. В ходе эксперимента необходимо было сравнить размеры геометрических фигур и тел и оценить их соотношение как вдвое меньше или вдвое больше. Так, когда экспериментатор просил показать фигуру, которая в два раза больше данной, оказалось, что достоверно чаще выбирается фигура, которая больше данной более чем вдвое. Исследование было проведено на детях и взрослых. Далее в статье анализируется процесс формирования суждений о величине на основе опроса детей разного возраста при выполнении заданий и после него (Dembo, Hanfmann, 1933).

Вряд ли сама Т. Дембо рассматривала исследования восприятия как свою научную перспективу. В своей переписке с Ф. Бойтендайком (Dembo, 1930–1931) она упоминает о некоем социально-психологическом исследовании, в котором она приняла участие, рассказывает о планах К. Коффки в мае 1932 года отправиться в Москву и принять участие в экспедиции в Туркестан (Узбекистан) под руководством А.Р. Лурии и Л.С. Выготского, говорит о своем желании больше

узнать об американской психологии животных и, возможно, присоединиться к экспериментам Хантера (W.S. Hunter). Кстати, Хантер работал в университете Кларка, в котором Т. Дембо окажется через 20 лет. В июне 1932 года она между прочим сообщает, что вместе с «фройляйн Ганфман» начинает работать в городском госпитале (Worcester State Hospital, штат Массачусетс).

В Вустеровском госпитале они работали под руководством главного психолога госпиталя Дэвида Шакова, по сути, впервые соприкоснувшись с клинической практикой, психологическим тестированием и психоанализом. Они исследовали типы реакций пациентов на ситуацию госпиталя, а также мышление шизофреников (Dembo, Hanfmann, 1936). С позиций сегодняшнего дня понятно, что это был первый шаг к области, в которой Т. Дембо сегодня известна в США, — реабилитационной психологии.

В 1933 году политическая ситуация в Германии радикально изменилась, и многие немецкие психологи были вынуждены покинуть страну. Курт Левин эмигрировал в Соединенные штаты и получил должность в Корнелльском университете. Не сомневаясь, Т. Дембо воссоединилась со своим учителем. В Корнелле, а потом в университете штата Айова Т. Дембо и К. Левин будут сотрудничать с 1934 по 1943 год. Десять лет их совместной работы отразятся в двух фундаментальных трудах — ис-

Встреча Топологической группы в 1935 г., Брин-Мор-колледж, Пенсильвания, США.
Слева направо: Карл Ценер, Курт Коффка, Вильям Штерн, Молли Херровер, Тамара Дембо, Курт Левин, Евгения Ганфман, Лоуренс К. Франк, Георг Кризер, Велли Райхенберг-Хакетт, Грейс Хайдер, Дональд МакКиннон, Дэвид Креч, Лорен Райт.
Фотография из архива Д. Креча (ANAP, Archives of the History of American Psychology, Center for the History of Psychology, The University of Akron)

следовании фрустрации и регрессии (Barker, Dembo, Lewin, 1941) и концептуализации уровня притязаний (Lewin, Dembo, Festinger, Sears, 1944; Левин, Дембо, Фестингер, Сирс, 2004), которые и сегодня остаются широко цитируемыми классическими работами в общей и социальной психологии.

В 1939 году в США появилась книга «Фрустрация и агрессия», написанная группой исследователей Йельского университета на стыке бихевиоризма и психоанализа (Dollard, Doob, Miller, Mowrer, Sears, 1939). Основная мысль данной работы проста: агрессия всегда является результатом предшествующей ей фрустрации. Диссертационная работа Т. Дембо абсолютно точно попадала в контекст нового понятия фрустрации, но не была процитирована, вероятно, потому, что просто не была известна авторам, ведь английский перевод работы Т. Дембо о гневе был опубликован только в 1976 году.

Можно сказать, что работа Р. Баркера, Т. Дембо и К. Левина (Barker, Dembo, Lewin, 1941) была своеобразным ответом на публикацию Йельской группы. Опираясь на свое диссертационное исследование, Дембо вспоминала, что в ее берлинских экспериментах испытуемые могли «становиться маленькими», даже принимать эмбриональное положение. Теперь авторы выдвинули гипотезу, что фрустрация не всегда приводит к агрессии, следствием фрустрации

может быть и регрессия. При этом понятие регрессии рассматривалось не в психоаналитическом ракурсе, а с позиции теории поля. Две группы детей (от 2 до 3 лет и от 3,5 до 5 лет) свободно играли с игрушками в течение 30 минут. Потом им показывали новые, более привлекательные и интересные игрушки, и вовлекали в игру с ними примерно на 5-15 минут. В какой-то момент новые игрушки оказывались недоступны: дети видели их через прозрачное ограждение, но могли играть только с игрушками из первой части эксперимента. Говоря языком теории поля, достижению привлекательной цели в жизненном пространстве ребенка мешали внутренние барьеры. Именно в этой части велось тщательное наблюдение и фиксировались все особенности игры, которая оценивалась в баллах по своей конструктивности и сложности. Оказалось, что детская игра становится более примитивной, когда детям становятся недоступны игрушки, привлекательность которых они могли недавно оценить непосредственно в игре. Таким образом, регрессия в ситуации фрустрации, по мнению авторов, приводит к активации более примитивных (а у взрослых — инфантильных) моделей поведения. Заметим, что обсуждение в 1925 году необходимости создания позитивного фона эксперимента не прошло для Т. Дембо даром: в заключение эксперимента детям давали возможность вновь поиграть с желанными игрушками.

В работе об уровне притязаний (Lewin, Dembo, Festinger, Sears, 1944; Левин, Дембо, Фестингер, Сирс, 2004) обобщался весь материал по данной проблеме, имевшийся к тому времени. Действительно, понятие, введенное в школе К. Левина немецкого периода при непосредственном влиянии работы Т. Дембо, оказалось одним из самых востребованных и интересных для американских психологов.

К американскому периоду жизни К. Левина и Т. Дембо относится еще одно регулярное мероприятие, начавшееся в 1933 году и длившееся более 30 лет, то есть и много позже смерти К. Левина, до 1964 года. Имеются в виду так называемые «Топологические встречи» (Lück, 1989; Люк, 2010). Группа учеников и коллег К. Левина, границы которой всегда были открыты, один раз в год, преимущественно между рождественскими и новогодними праздниками, встречалась на пару дней в каком-нибудь университете на востоке США. Никогда не существовало никакой формализации этой группы как общества, объединения или института, но неформальное обсуждение различных проблем психологии, часто с позиций теории поля, казалось интересным и содержательным настолько, что коллеги-единомышленники стремились в этих встречах участвовать. Из сохранившихся листов регистрации присутствующих видно, что Т. Дембо принимала участие в большинстве встреч и часто выступала сама.

Реабилитация как социально-психологическая проблема

В 1943 году К. Левин покинул университет Айовы, и Т. Дембо продолжала строить свою карьеру самостоятельно. Нужно сказать, что построение профессиональной научной карьеры женщиной в США середины XX века не всегда протекало гладко. Так, в 1940 году Т. Дембо получила отказ в должности преподавателя университета только потому, что руководителю нужен был только мужчина (Leerer, 1940). Во время Второй мировой войны она принимала участие в судьбе эмигрировавших в США евреев, а также преподавала в женском Маунт-Холиоок-колледже (1943–1945). В 1945 году Т. Дембо приняла приглашение в Стэнфордский университет на Западном побережье, где она с увлечением занялась темой реабилитационной психологии, которой и посвятила всю оставшуюся жизнь.

К 1945 году возникла серьезная проблема социально-психологической реабилитации людей, ставших инвалидами на фронтах Второй мировой войны. С этой целью в Стэнфордском университете были начаты масштабные исследования, в рамках которых Т. Дембо сотрудничала с психологами Глорией Ладье-Левитон и Беатрис Райт, с которыми работала еще в госпитале в Вустере и в университете Айовы. С самого начала им было важно, чтобы люди, нуждающиеся в реабилитации, сами приняли активное участие в проекте

Встреча Топологической группы в 1940 г., Смит-колледж, Нортхэмпшир, Массачусетс, США. На укрупненном фрагменте Т. Дембо в центре

и максимально взаимодействовали с исследователями.

В качестве основного метода было выбрано интервью. Т. Дембо никак не могла согласиться с тем, что средний человек не знает себя настолько, чтобы достоверно говорить о своих чувствах, а также с тем, что данные, полученные в беседе, сомнительны и не совпадают с реальным поведением. Она считала интервью важным качественным методом социально-психологического исследования. В период с 1945 по 1948 год исследовательский проект был реализован.

Эмпирическую базу исследования составили 177 интервью с инвалидами, в основном участниками Второй мировой войны, с очевидным увечьем: ампутацией конечностей (ортопедическое отделение) или значительными повреждениями от ранения лица и головы (отделение пластической хирургии лица), различного возраста, расы, социально-экономического статуса, профессии, семейного положения. Возраст инвалидов — от 19 до 58 лет, давность дефекта — от 2 месяцев до 33 лет. 65 здоровых человек было также опрошено о чувствах, которые они испытывают по отношению к инвалидам. Результаты оказались удивительными для самих исследователей: один тип отношений между инвалидом и здоровым человеком выдвинулся на передний план, определяя собой характер других отношений, а именно отношение «считать кого-

то несчастным — считаться несчастным». Проблема состояла в том, что человек, который самому себе кажется достаточно счастливым, другими воспринимается как глубоко несчастный. Даже если инвалид не страдает, окружающие убеждены, что он страдает и поэтому несчастен. Дополненные и обобщенные результаты были опубликованы позже (Dembo, Leviton, Wright, 1956).

В 1948-1950 годах Т. Дембо преподавала, как многие другие эмигранты из Европы, в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, с 1951 года — в Гарвардском университете. Наконец, Хайнц Вернер (Heinz Werner, в прошлом ассистент Вильяма Штерна в Гамбурге и вынужденный эмигрант) в 1952 году привел ее в университет Кларка. В 1953 году она получила должность адъюнкт-профессора (приглашенного профессора) и с 1954 по 1961 годы была директором проекта по психическому развитию детей с церебральным параличом. Проект был разработан для оказания помощи семьям, имеющим детей с данным заболеванием, и уделял основное внимание развитию максимальной поддержки детей со стороны их непосредственного (семейного) окружения.

В Кларке царила особая интеллектуальная атмосфера (de Lima, 1999). Чувствовалась особая активность, энергетика, преподаватели и студенты много дискутировали не только в аудиториях, но и в коридорах и в специальных холлах для отдыха; Т. Дем-

бо часто участвовала в таких обсуждениях. Она предлагала концептуальный подход, идущий от левиновской теории поля, и это значительно расширяло представления ученых о проблемах, например, клинической психологии или психологии развития, подсказывало эмпирические подходы к исследованию социальных проблем. Ее курс реабилитационной психологии, обучающий семинар и работа в лаборатории были одними из самых популярных для получающих последипломное образование. Можно сказать, что она воспитывала интерес студентов к проблеме, как улучшить жизнь людей, которых мы когда-то называли инвалидами. Кроме того, коллеги воспринимали Т. Дембо как «поддерживающего» и «защищающего» студентов преподавателя. Довольно твердо она придерживалась принципов общения со студентами и в значительной степени повлияла на философию образования в университете, например, в вопросах оценки академической успеваемости. Небольшая, но немаловажная, деталь: ее очень волновало плохое обращение с животными, в частности, проблема уничтожения животных после завершения эксперимента. Она озвучила эту проблему раньше, чем возникло Движение за права животных (de Lima, 1999).

Позиция Т. Дембо принципиально отличалась от традиционной. Рассматривая отношения личности и окружения в связи с теорией поля К. Левина (Dembo, 1982), она под-

черкивала, что расстройства (нарушения) скорее существуют в окружающей человека, чем в личностной, части жизненного пространства. «Нарушенная личность» (человек с физическими или умственными недостатками) может быть рассмотрена как личность, нарушенная окружением: не инвалидное кресло мешает, а ступени преграждают его движение; многие затруднения человека без ног исчезли бы, если бы окружение предоставило бы инвалидам удобные кресла-коляски и пандусы. Но нарушения происходят не только в физическом окружении, гораздо более психологов должны интересоваться социо-эмоциональные отношения, которые нарушают нормальное функционирование личности. Таким образом, она сфокусировала внимание на максимально возможном изменении окружения человека, который должен быть реабилитирован. И такой подход встречал уважение и понимание коллег.

В 1956 году вышла фундаментальная статья «Приспособление к несчастью: проблемы социально-психологической реабилитации», признанная одним из первых значительных исследований в новой области реабилитационной психологии (Dembo, Leviton, Wright, 1956; Дембо, Левитон, Райт, 2003). Данная статья, а также исследования 1945-1948 годов, неоконченные главы ненаписанной книги, таблицы, заметки, хранящиеся в архиве университета Кларка (Dembo Papers. Clark Univer-

sity Archives, Worcester, MA) дают целостное представление о концепции социо-эмоциональных отношений, которую разрабатывала Т. Дембо.

Согласно Й. де Ривере (de Rivera, 1999), Т. Дембо различала ролевые отношения (преподаватель — студент, профессионал — клиент), дополняющие (давать помощь — принимать помощь, обесценивать — быть обесцененным), идеологические (равенство или элитарность, зависимость или независимость), инструментальные (например, спросить дорогу, купить билет) и эмоциональные отношения (уважать человека, испытывать неприязнь к рубцу на лице). Эмоциональная вовлеченность в социальные отношения, особенно в дополняющих отношениях, рождает социо-эмоциональные отношения. Социо-эмоциональные отношения могут быть комплементарными, или симметричными (например, кооперация). Однако Т. Дембо сконцентрировала свое внимание на некомплементарных, или несимметричных отношениях, в которых один инициирует отношения — «донор», а другой принимает их — «реципиент» (один оказывает помощь, другой принимает ее; один считает другого «ненормальным», другой чувствует себя таковым).

Социо-эмоциональные отношения являются единицей отношений, которая объединяет объективное и субъективное. Отношения «донор — реципиент» объективно проявляются как «помогать — прини-

мать помощь», а субъективно — как дружелюбие или злость. В социо-эмоциональных отношениях личности переживают друг друга, переживают субъективность другого скорее, чем в обыкновенном событии.

В своей неопубликованной рукописи 1971 года (с неизвестным соавтором) Т. Дембо детально останавливается на исследовании отношения принятия. Она замечает, что «трудность принятия пронизывает все отношения между инвалидом и неинвалидом» (Dembo, 1971, p. 4). Для анализа отношения принятия она использует материалы интервью, полученные ею и ее студентами. Т. Дембо давала студентам задание посетить человека с ограниченными возможностями и поговорить с ним о том, что значит принимать и быть принятым, расспросить о конкретных случаях и обстоятельствах принятия и других социо-эмоциональных отношений, а также провести самоинтервью на эту тему (например, нужно было сравнить через призму отношения принятия студенческое общежитие и дом престарелых). Результаты многочисленных интервью о принятии были детально проанализированы и обобщены. Т. Дембо перечисляет характеристики принятия и конкретизирует последовательность чувств, которые испытывают донор и реципиент (их чувства различаются) в процессе принятия. Она описывает, что необходимо, чтобы принимать другого, и что нужно для того, чтобы чувствовать себя принятым.

Т. Дембо отмечает разнообразие социо-эмоциональных отношений: одни обозначены словами, другие понятны только внутренне, но все они образуют «сеть» или «поле». Некоторые отношения располагаются очень близко друг к другу: например, рядом с принятием находится толерантность или уважение. Судя по ее конспектам лекций, хранящимся в архиве, весной 1983 года Т. Дембо представляет студентам список из 85 основных социо-эмоциональных отношений, а в 1984 году она объединяет их в 14 категорий (de Rivera, 1999). В категории «стабилизация» она, вслед за студентами, особенно выделяет отношение доверия и называет его краеугольным камнем позитивных изменений.

Проблема «давать помощь — принимать помощь» прорабатывалась Т. Дембо и на семинарских занятиях со студентами. «Asset-mindedness» (принятие ценности ресурса, мышление с позиции ценных качеств) — понятие, которое Т. Дембо использовала для характеристики ситуации инвалида: инвалиды также имеют компетенции, и они обращают внимание особенно на свои оставшиеся сильные стороны, а не на ограничения, благодаря которым они отличаются от самих себя более ранних. Верч (Wertsch, 1993, р. 3) предположил, что собственные ограничения Т. Дембо в ее детстве способствовали этой точке зрения. Понятие Asset-mindedness, разработанное Т. Дембо, можно рассматривать как сходное с

представлением А. Адлера о компенсации.

Очень коротко заметим, что в своих публикациях и лекциях по реабилитационной психологии Т. Дембо поднимает еще несколько чрезвычайно важных тем (Dembo, 1969; 1971; Dembo, Leviton, Wright, 1956). Она обсуждает понятие эмпатии между донором и реципиентом, выделяет проблему «симулированной» эмпатии и характеризует искренность через призму спонтанности и этической продуктивности. Далее она обсуждает два рода ценностей: первый из них связан с тем, чем человек обладает как собственностью (имеет), второй вид ценностей внутренне присущ человеку в виде личностных свойств и качеств, выражается в том, что человек из себя представляет (чем является). Человек может обладать вещами, которые делают его внешность привлекательной; и он может быть привлекательным для других людей как личность. Эти идеи в значительной степени перекликаются с фроммовской проблемой «иметь или быть». Распространяя эту идею на проблему людей с ограниченными возможностями, Т. Дембо доказывает, что при любой внешности человек может быть привлекательным, если другие люди положительно реагируют на его личность.

Итак, в теме реабилитации для Т. Дембо особо ценными понятиями, на которые она опирается, стали принятие, доверие, ценность внутренних ресурсов, эмпатия, искренность, про-

тивопоставление «быть или казаться». Можно сказать, что идеи Т. Дембо оказываются очень созвучны эпохе гуманистической психологии, ее выводы во многом перекликаются также с клиент-центрированным подходом К. Роджерса.

СССР: возвращение

Может быть, связи Т. Дембо с родиной и коллегами-соотечественниками не были интенсивными, но они существовали. Так, известно, что Т. Дембо и в послевоенное время переписывалась с А.Р. Лурией, возможно, встречалась с ним на 15-м Международном психологическом конгрессе в Брюсселе в конце июля — начале августа 1957 года, пыталась способствовать переводу «Избранных трудов» Л.С. Выготского на английский язык (Лурия, 1958).

В 1966 году Т. Дембо посетила 18-й Международный психологический конгресс в Москве. Этот конгресс дал возможность ей через 36 лет увидеть давнюю подругу по учебе — Б.В. Зейгарник.

В 1970 году в Москве вышел учебник С.Я. Рубинштейн по экспериментальным методам патопсихологии (Рубинштейн, 1970), в котором впервые была описана методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн. С.Я. Рубинштейн использовала методический прием Т. Дембо, описанный ею в статье (1956) и примененный в исследовании представлений о счастье у инвалидов, а также студентов университета (Dembo,

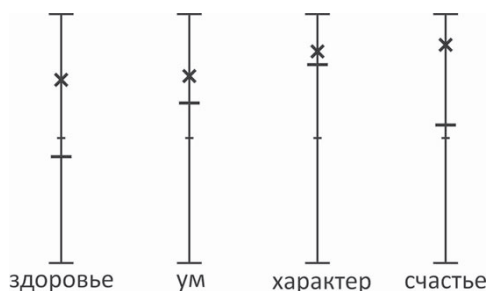

Рис. 6. Пример диагностического бланка методики Дембо-Рубинштейн (по Рубинштейн, 1970)

Leviton, Wright, 1956; Дембо, Левитон, Райт, 2003). Прием заключался в следующем. Была нарисована вертикальная линия, своего рода шкала. На одном конце (вверху) — самый счастливый человек, на другом (внизу) — самый несчастный. В центре отмечено среднее положение. Испытуемый должен был быстро и, скорее, интуитивно отметить на этой линии позицию, которую, как ему представляется, занимал он. Дембо обращает внимание на то, что в группе студентов только один человек поместил себя в середине, и никто — ниже этой отметки. С.Я. Рубинштейн значительно модифицировала эту методику, использовала четыре шкалы (здоровье, ум, характер и счастье) и рассмотрела ее диагностическую ценность для изучения самооценки личности в норме и патологии (рис. 6).

В дальнейшем методика еще не однажды была модифицирована. Например, с помощью модифицированной методики Дембо-Рубинштейн Б.В. Зейгарник было проведено изучение структурных элементов са-

мооценки психопатических личностей (Зейгарник, 1971). Т.М. Габриал предложил ввести более точную 7-значную градацию оценки (например, самый больной, весьма больной, более или менее больной, средне больной, более или менее здоровый, весьма здоровый, самый здоровый), что позволяет более тонко устанавливать индивидуальные различия в позиции обследуемых (Габриал, 1972). В модификации В.Г. Щур предложена методика «Лесенка», предназначенная, прежде всего, для исследования самооценки детей дошкольного и младшего школьного возраста, где прямая линия заменена лесенкой со ступенями (рис. 7).

А.М. Прихожан в психодиагностическом исследовании школьников (Прихожан, 1988) расширила оцениваемые параметры до семи (здоровье, ум и способности, характер, авторитет у сверстников, умелые руки, внешность, уверенность в себе) и просила испытуемого отметить на шкале одним знаком то, как он оценивает это качество у себя в данный момент (показатель самооценки) и тот уровень разви-

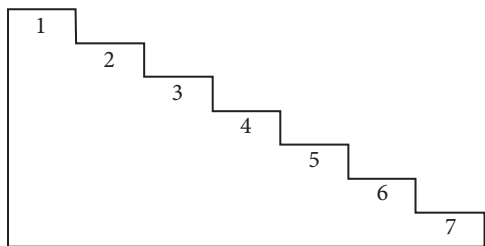

Рис. 7. Пример диагностического бланка методики «Лесенка» (Щур, 1982)

тия качества, которым бы он был удовлетворен (показатель уровня притязаний). Развитие этой тенденции привело к тому, что в других вариантах методики вводились дополнительные шкалы (например, сила воли, честность, доброта, способность к прогнозированию), или сравнивались оценки по шкалам реального Я, идеального Я и потенциально возможного Я.

Следующий шаг был сделан Н.В. Яньшиным, который ввел в диагностическое исследование самооценки элементы клинической беседы. Методика и ранее предполагала опрос, сопровождающий и завершающий диагностику: прямой самоотчет и развитая конструктивная рефлексия могут дать интересный материал для анализа; однако специфика клинической беседы состоит, прежде всего, в том, что таким образом можно выявить мало осознаваемые аспекты Я-концепции, степень реалистичности ее компонентов, типичные искажения и «болевые точки» (Яньшин, 2004). Тем самым, очевидно, Н.В. Яньшин подчеркнул не только диагностическую, но и психотерапевтическую ценность методики. На психотерапевтические возможности именно приема Т. Дембо обращает внимание и В.В. Макаров, который разбирает прием диады (два полюса, связанные между собой континуумом, который принимается за 100%, необходимо определить в этом континууме свою позицию) и рассматривает его значение для ис-

следования мировоззренческих диад, например, оптимизма и пессимизма личности (Макаров, 1999).

Эпилог

Только в 1962 году, то есть в возрасте 60 лет, Т. Дембо стала «полным» профессором и получила постоянную работу в университете Кларка (de Rivera, 1995). В эти годы она также много сделала для закрепления статуса области реабилитационной психологии в профессиональном поле психологов, принимала самое активное участие в создании 22-го подразделения Американской психологической ассоциации. (В скобках заметим, что сама Американская психологическая ассоциация (АПА) была организована в 1892 году группой из 26 психологов также в университете Кларка). Отделение реабилитационной психологии было образовано в 1957 году, а в 1968–1969 годах Т. Дембо занимала должность президента этого подразделения.

До конца своей жизни Т. Дембо оставалась в университете Кларка. Она ушла на пенсию в 1972 году и, так как у нее не было собственной семьи, жила в апартаментах в кампусе.

В 1980 году за свою новаторскую работу в области реабилитации она была удостоена уважаемой премии 22-го отделения АПА. В 1981 году получила престижную премию памяти Курта Левина, которую учредило 9-е отделение АПА — Общество по изучению психологических аспектов социальных проблем. В 1987 году

она получила звание почетного доктора своего университета (Hodgson, 2004).

К ней продолжали приходить коллеги, чтобы обсудить различные проблемы психологической науки и практики, а также одновременно убедить ее опубликовать идеи, оказавшие большое влияние на реабилитационную психологию. Она с удовольствием говорила о своих идеях, кое-что писала, но, к сожалению, очень мало.

До самых последних лет жизни Т. Дембо продолжала вести активную и продуктивную жизнь, вела семинары, в том числе и в течение зимнего семестра 1992 года (Wertsch, 1993). После непродолжительной болезни она скончалась в Вустере, штат Массачусетс, 17 октября 1993 года. Ей был 91 год.

Последняя ее научная работа посвящена методологии качественных исследований в психологии (Dembo, 1993). В этой статье, опубликованной посмертно, Дембо завещала будущим исследователям ориентиры для проведения качественных исследований и подчеркнула значение для науки интуиции, или, по ее словам, «догадок и незрелых идей» (Dembo, 1993, p. 18).

По высказыванию Й. де Риверы, «Тамара Дембо не много написала. Но все, что она написала, стало классикой» (de Rivera, 1995). Кажется, что ее немецкий период, прочно связанный с классической академической психологией, и американский период

реабилитационной психологии — совершенно разные. При более близком рассмотрении становится очевидно, что весь ранний опыт академической теории и эксперимента Тамара Дембо привнесла в практическую реабилитацию ограниченных в возможностях людей, будь то изуродованные Второй мировой войной ветераны или дети, страдающие церебральным параличом. И тогда мы понимаем, что всю свою жизнь Т. Дембо, в сущности, занималась одной темой-вопросом: как обыкновенный человек сталкивается с трудностями, которые предлагает ему окружение, реагирует на них и, в конце концов, личностно преодолевает препятствия, продолжая свой путь к лучшей жизни.

Остается только надеяться, что представленные в статье сведения о Т. Дембо как личности и исследователе дадут возможность лучше понять XX век, тенденции развития психологии как науки на протяжении почти целого столетия, а также личность самой Тамары Дембо, чья широта и глубина не до конца объяснимой силы влияния на науку и сегодня кажется поразительной.

Литература

- Дембо Т. Гнев как динамическая проблема // К. Левин. Динамическая психология. М., 2001.
- Дембо Т., Левитон Г., Райт Б. Приспособление к несчастью: проблема социально-психологической реабилитации // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1.
- Габриэль Т.М. Самооценка как метод изучения личности // Проблемы патопсихологии. Тез. докл. конф. М., 1972. С. 105-117.
- Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. М., 1971.
- Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М., 1981.
- Золотова Н.В. Научное наследие и жизненный путь Б.В. Зейгарник // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 2. С. 135-146.
- Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний // Общая психология. Субъект деятельности / отв. ред. В.В. Петухов. Т. 2, кн. 2. М., 2004.
- Лурия А.Р. Письмо Т. Дембо от 29.06. 1958. Dembo papers. Worcester, MA: Clark University Archives.
- Люк Х. Групповые процессы в научных исследованиях (на примере «топологической группы» Курта Левина) // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3. С. 77-89.
- Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. М., 1999.
- Прихожан А.М. Применение методов прямого оценивания в работе школьного психолога // Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психологических методик. М., 1988. С. 110-118.
- Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М., 1970.
- Сорокина В.В. От составителя // Русский Берлин / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М., 2003. С. 3-10.
- Шлегель К. Русский Берлин: попытка подхода // Русский Берлин: 1920-1945. Международная научная конференция / науч. ред. Л.С. Флейшман. М., 2006. С. 9-19.
- Щур В.Г. Методика изучения представлений ребенка об отношениях к нему других людей // Психология личности: теория и эксперимент. М., 1982. С. 108-113.

Яньшин П.В. Исследование самооценки по Дембо-Рубинштейн с элементами клинической беседы // Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб., 2004.

Ash M.G. Gestalt psychology in German culture: 1890–1967. Cambridge, 1995.

Barker R., Dembo T., Lewin K. Frustration and regression: An experiment with young children // University of Iowa Studies in Child Welfare. 1941. № 18 (1).

Birenbaum G. Das Vergessen einer Vorname. Isolierte psychische Systeme und dynamische Ganzbereiche // Psychologische Forschung. 1930. № 13. P. 218–284.

Brauns H.-P. Lewins Berliner Experimentalprogramm // Kurt Lewin — Person, Werk, Umfeld. Historische Rekonstruktionen und aktuelle Wertungen aus Anlaß seines hundertsten Geburtstags / W. Schönpflug (Hrsg.). Frankfurt, 1992. P. 87–108.

Dembo T. Vortrag von Fräulein Dembo, über ihre Versuche, mit anschließenden Fragen. Im Psychologischen Institut der Universität, Montag d. 7. Dez. 25. Berlin, 1925.

Dembo T. Vp Vodwarka. 21. Juli 1927 (Protokoll). 1927.

Dembo T. Futtersuche nach indirekte Merkmalen beim Vogel. Unpublished Manuscript, 1929.

Dembo T. Zielgerichtetes Verhalten der Ratten in einer freien Situation // Archives Néerlandaises de Physiologie de l'Homme et des Animaux. 1930. № 15. P. 402–412.

Dembo T. Briefe an F.J.J. Buytendijk aus Berlin und aus Norhampton (1930–1931). Katholiek Documentatie Centrum Nijmegen, Archief P.J.J. Buytendijk Inv. No. 15 bzw. Inv. No. 157.

Dembo T. Der Ärger als dynamisches Problem // Psychologische Forschung. 1931a. № 15. P. 1–144.

Dembo T. Der Ärger als dynamisches Problem. Berlin, 1931b.

Dembo T. Rehabilitation psychology and its immediate future: A problem of utilization

of psychological knowledge // Rehabilitation Psychology. 1969. № 16. P. 63–72.

Dembo T. Social-emotional relationships analysis. Unpublished manuscript, Clark University Archives, Worcester, MA, 1971.

Dembo T. Some problems in rehabilitation as seen by a Lewinian // Journal of Social Issues. 1982. № 38. P. 131–139.

Dembo T. Thoughts on qualitative determinants in psychology: A methodological study // Journal of Russian and East-European Psychology. 1993. № 31. P. 15–70.

Dembo Papers. Clark University Archives, Worcester, MA.

Dembo T., Hanfmann E. Intuitive halving and doubling of figures // Psychologische Forschung. 1933. № 17. P. 306–318.

Dembo T., Hanfmann E. The patient's psychological situation upon admission to a mental hospital // American Journal of Psychology. 1936. № 47. P. 381–408.

Dembo T., Leviton G.L., Wright B.A. Adjustment to misfortune: A problem of social-psychological rehabilitation // Artificial Limbs. 1956. № 3 (2). P. 4–62.

Dollard J.L., Doob I., Miller N.E., Mowrer O.H., Sears R. Frustration and Aggression. New Haven, 1939.

Hodgson S. Tamara Dembo (1902–1993): A life of science and service // The Feminist Psychologist. 2004. № 3 (4).

Hoppe F. Erfolg und Mißerfolg // Psychologische Forschung. 1931. № 14. P. 1–62.

Hothersaal D. History of Psychology. McGraw-Hill, 1995.

Kravkov S.V. Über die Richtung der Farbentransformation // Psychologische Forschung. 1928. № 10. P. 20–31.

Kravkov S.V. Über ein Grundgesetz der Farbentransformation // Psychologische Forschung. 1932. № 16. P. 160–165.

Kravkov S.V., Paulsen-Bashmakova V.A. Über die kontrasterregende Wirkung der transformierten Farben // Psychologische Forschung. 1929. № 12. P. 88–93.

Leeper D. Letter to Tamara Dembo (1940, January 7). Dembo papers. Worcester, MA: Clark University Archives.

Lewin K. Gutachten über die Dissertation von Tamara Dembo «Der Ärger als dynamisches Problem» vom 14.7.1930. Universitätsarchiv der Humboldt-Universität zu Berlin, Dekanat der Philosophischen Fakultät, Akte Nr. 717, Blatt 171, 1930.

Lewin K., Dembo T., Festinger L., Sears P. Level of Aspiration // Personality and the Behavior Disorders. Vol. I. / J.Mcv Hunt (ed.). NY.; Oxford, 1944. P. 333–378.

Lima S. de. Mort Wiener remembers Tamara Dembo: Interpretations and recollections // From Past to Future. 1999. № 2. P. 55–59.

Luria A.R. Die Methode der abbildenden Motorik bei Kommunikation der Systeme und ihre Anwendung auf die Affektpsychologie // Psychologische Forschung, 1929. № 12. P. 127–179.

Lück H.E. Zur Bedeutung der Gruppenprozesse für die Wissenschaftsentwicklung am Beispiel der Topology Group Kurt Lewins // Gestalt Theory. 1989. № 11. P. 246–267.

Lück H.E. Kurt Lewin. Eine Einführung in sein Werk. Weinheim, 2001.

Lück H.E. Tamara Dembo: Auf der Suche nach Konzepten für ein besseres Leben // Bedeutende Psychologinnen. Biographien und Schriften / Volkmann-Raue S. & Lück H.E. (Hrsg.). Weinheim, 2002. P. 266–283.

Marrow A.J. Kurt Lewin. Leben und Werk. Stuttgart, 1977.

Metzger W. Verlorenes Paradies. Im Psychologischen Institut in Berlin, 1922–1931 // Schweizerische Zeitschrift für Psychologie. 1970. № 29. P. 16–23.

Orne M.T. On the social psychology of the psychological experiment: With particular

reference to demand characteristics and their implications // American Psychologist. 1962. № 17. P. 776–783.

Ovsiankina M. Die Wiederaufnahme unterbrochener Handlungen // Psychologische Forschung, 1928. № 11. P. 302–379.

Rivera J.H. de. Tamara Dembo (1902–1993) // American Psychologist. 1995. № 50. P. 386.

Rivera J.H. de. Tamara Dembo's Socio-emotional relationships // From Past to Future. 1999. № 2. P. 43–54.

Rosa A., Wertsch J.V. Tamara Dembo and her work // Journal of Russian and East European Psychology. 1993. № 31. P. 5–13.

Samojlov A. Die Anordnung der musikalischen Intervalle im Raume // Psychologische Forschung, 1923. № 3. P. 231–240.

Uznadze D. Ein experimenteller Beitrag zum Problem der psychologischen Grundlagen der Namengebung // Psychologische Forschung, 1924. № 5. P. 24–43.

Uznadze D. Über die Gewichtstäuschung und ihre Analogien // Psychologische Forschung, 1930. № 14. P. 366–379.

Veer R. Tamara Dembo's European years: Working with Lewin and Buytendijk // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2000. Vol. 36 (2). P. 109–126.

Veer R., Lück H.E. Berliner Gestaltpsychologie in Aktion. Zur Diskussion der Experimente von Tamara Dembo // Psychologie und Geschichte. 2002. № 10. P. 40–55.

Wertsch J.V. Tamara Dembo. In memoriam // Journal of Russian and East European Psychology. 1993. № 31. P. 3–4.

Zeigarnik B. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen // Psychologische Forschung, 1927. № 9. P. 1–85.